

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Александр Александрович *Серно-Соловьевич* (1838—1869) — выдающийся деятель русского революционно-демократического движения, один из виднейших и влиятельнейших представителей «молодой эмиграции».

Дворянин по происхождению, он окончил Александровский лицей в Петербурге в 1857 г. и вместе со своим старшим братом, Николаем Александровичем, принимал деятельное участие в революционном движении начала шестидесятых годов. Александр Александрович был близок к Чернышевскому и являлся одним из организаторов тайного общества «Земля и воля». В 1862 г. он уехал за границу. Через некоторое время брат его Николай был арестован, и сам он оказался привлеченным к делу брата. Правительство потребовало возвращения А. А. Серно-Соловьевича на родину. Не сомневаясь в том, что ему угрожает суровая расправа, он решил остаться за границей.

Все знавшие А. А. Серно-Соловьевича отзывались о нем, как о человеке выдающемся. «Это был, — пишет про него Н. В. Шелгунов, — человек кипучей энергии, горячий, скорый, смелый и очень умный» (Н. В. Ш е л г у н о в. Воспоминания. М.—П., 1923, стр. 158).

Революционная деятельность А. А. Серно-Соловьевича за границей и отношения его с Герценом освещены в наших статьях: «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении» («Исторический сборник Института истории Академии Наук СССР», вып. 5, М. — Л., 1936) и «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941), а также в публикациях Ф. Фрейденфельда «Листовка А. А. Серно-Соловьевича против Н. П. Огарева» (там же) и О. К. Булановой-Трубниковой «Пятнадцать неопубликованных писем с приложением записки А. А. Серно-Соловьевича об его имущественном положении» («Звенья», V, 1935).

Отсылая читателей, желающих познакомиться подробнее с жизнью и деятельностью Серно-Соловьевича, к перечисленным работам, остановимся кратко на вопросах, затронутых в публикуемом ниже письме его к Огареву.

За границей Серно-Соловьевич находился в весьма тяжелом материальном положении. Оно осложнялось болезнью, принявшей особенно острый характер весной 1865 г. и заставившей друзей поместить Серно-Соловьевича в специальное лечебное заведение.

Что касается его литературной деятельности, то она была крайне ограниченной. Выступать с самостоятельными литературными работами Серно-Соловьевичу удавалось редко. Доступ в легальные русские журналы был для него почти совершенно закрыт. Так, например, попытка его напечатать в «Деле» в 1862 г. статью «На новый год» не увенчалась успехом.

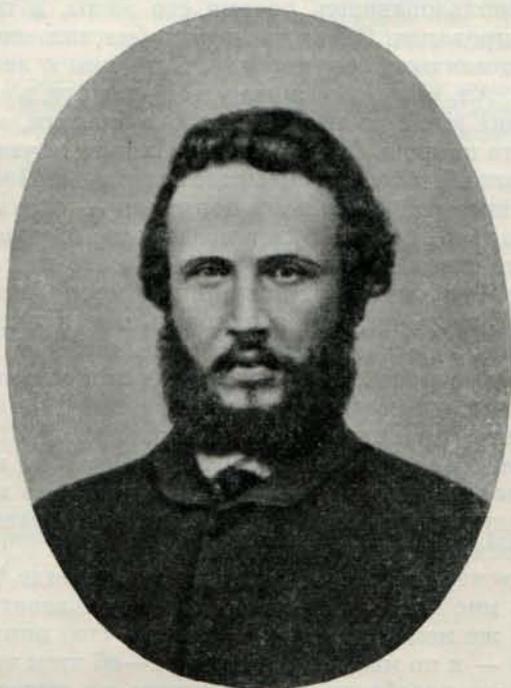
Неосуществленным оказалось и его намерение написать учебник русской литературы, о котором идет речь в печатаемом ниже письме.

Дату письма можно уточнить без особых затруднений: в письме цитируется IV часть «Былого и дум», вышедшая в 1867 г.; следовательно, письмо не могло быть написано ранее этого года; упоминание о В. И. Касаткине, умершем 10 декабря того же года, доказывает, что письмо написано не позже 1867 г.

Дата письма очень существенна: она дает возможность установить, когда именно возобновились прерванные отношения между Серно-Соловьевичем и Герценом и Огаревым. Напомним, что менее чем за год перед этим Серно-Соловьевич выпустил резкую листовку «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“», направлен-

ную против Огарева, и менее чем за полгода — еще более резкую брошюру «Наши домашние дела», направленную против Герцена. Письмо, в котором Серно-Соловьевич обращался к Огареву с просьбою о дружеской услуге, показывает, что острота во взаимоотношениях между ним и издателями «Колокола» начала уже смягчаться. Это придаст особый интерес публикуемому ниже письму.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ет. хр. 172).

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Фотография, 1860-е гг.

Воспроизводится по фототипии

Исторический музей, Москва

(Женева, 1 ноября 1867 г.)

Позвольте обратиться к вам, Николай Платонович, с просьбою, по поводу которой я считаю нужным войти в некоторые объяснения. Мне очень хочется заняться составлением учебника русской литературы как для уроков здесь, так и для напечатания в России; к тому же уроки вообще и русского языка в особенности — почти единственное средство к жизни¹. Меня хотя и выгнали из двух домов на прошлой неделе, но это ничего не значит. Для составления учебника нужен материал, т. е. книги, а их можно достать только у Касаткина. Теперь вам, вероятно, более или менее понятна моя просьба. Она состоит в том, чтобы вы сказали Касаткину, что задумали составить учебник русской литературы и потому чтобы он дал вам полнейшую возможность пользоваться его библиотекой, т. е. брать книги на дом. Назвать меня, значило бы заранее пресечь всякий путь в его сокровищницу², так как наши посольства отозваны. Причина, бывшая поводом к нашим враждебным отношениям, очень неинтересна, — я говорю поводом, потому что к нам двум можно с полным правом применить гл. XXXVII 4-го тома «Былого и дум», где я,

конечно, играю роль австрийцев, а он — итальянцев: действительно, глядя на нас двух, можно сказать: «Не рано ли вы, братья, заговорили о солидарности, братстве и прочих очень милых вещах?»³ Вы знаете, может, что, когда мне буквально нечего было есть, он пригласил меня к себе, за что я ему и поднесь очень благодарен. Прожив у него неделю (за что ему, впрочем, подарил 14 томов Шлоссера⁴), я вполне узнал и родину свою, и Апраксин двор, и самодуров Островского, и темное царство гениального Добролюбова. Воспользовавшись родами его жены, я поблагодарил его за хлеб-соль и регировался. Затем, во время болезни его жены, я приходил раза два осведомляться о ее здоровье. Однажды я зашел к ним после обеда и, застав Ел. Ал. одну, просидел у ней часа три в самой дружеской беседе. Говорила она мне о тоске по России, о болезни, о том, что ходить не может, о том, что непрочь бы и умереть. Словом, я ушел с очень тяжелым чувством и полный юношеской симпатии к ней. Под влиянием этих впечатлений я и написал ей — по моим понятиям — очень милую записку, в которой предлагал, когда она будет нездорова, скучна и одна, присылать за мной в виде чтеца ей русских книг. На это послание сам Касаткин отвечал мне письмом, исполненным мордобития. Разумеется, я уж ничего не отвечал, зная, какая пропасть между нашим воспитанием и развитием. Все это я рассказываю для того, чтобы объяснить вам, что иначе моего дела не устроить, как если он действительно будет убежден, что книги нужны вам, что составляет учебник вы. О моей педантической аккуратности можете справиться у Чернецкого⁵ {...} Этим я хочу сказать, что возвращал бы книги в совершенной чистоте и в назначенный день. К тому же мы могли бы условиться, в какой день менять книги. Но считаю долгом предупредить вас, что книги нужны разом в порядочном количестве. Вы меня обяжете ответом.

Я ничего не отвечаю А. И. на его записку о фонде⁶, собственно потому, что отвечать мне нечего. Я могу только пользоваться фондом, следовательно, какой же мой голос в этих делах? Что, например, Черкесов был кругом неправ — и по мысли, и по манере — об этом что же и говорить; но ведь должно также разобрать, каким путем он дошел до того, что позволил себе подобную выходку⁷. Пожалуйста, поймите мои слова: я совсем не защищаю самый факт, я только хочу сказать, что по отдельному, выхваченному факту нельзя судить о деле. Да хоть бы моя история и Касаткина. Разумеется, что от него несет лабазом и гостинным двором, но разумеется также, что тот же лабазник не позволил бы себе того, что он позволил, если б в наших отношениях вообще не было крайней натянутости. Или хоть другой пример — Эллидин⁸. Мое мнение, что он дурак, он принял и проводил меня матушкой, он, наконец, написал в Россию, что я подличаю перед редакцией «Колокола», которой продал себя за коректуры. А я все-таки скажу, что Эллидин — человек последовательный и что в нем есть хорошая жилка, есть то, что называется *сила*, но которая приняла безобразное направление, вследствие милых отношений, господствующих между русскою эмиграциею. Но эта объективность воззрений и суждений составляет одну из главных черт нашего поколения. Вообще, если мне не придется убить себя, когда-нибудь напечатают и мои записки⁹, в которых русской эмиграции принадлежит большой отдел. За отсутствием художественной артистичности и фантазии, в них много психического анализа и сухой действительности.

Еще раз, Николай Платонович, вы меня очень обяжете, если дадите возможность пользоваться книгами этой «собаки на сене». Эти слова не мои, а Крюлова.

Ваш С е р н о - С о л о в ь е в и ч

¹ Привести в исполнение свое намерение Серно-Соловьевичу не удалось. Отметим, кстати, что им был приготовлен и издан немецкий учебник русского языка, выдержавший несколько изданий.

² Отношения между Серно-Соловьевичем и другими представителями «молодой эмиграции», с одной стороны, и В. И. Касаткиным, с другой, отличались чрезвычайной враждебностью. Касаткин был известным библиофилом и владельцем весьма ценной библиотеки, которую он, эмигрировав из России, сумел переправить в Женеву. После смерти Касаткина библиотека его была приобретена фельдмаршалом кн. Барятинским и в настоящее время находится в составе Государственной исторической библиотеки в Москве. Подробнее о Касаткине см. в следующем томе «Лит. наследства».

³ В кавычках приведена неточная цитата из XXXVII главы IV тома «Былого и дум». Рассказывая о своей поездке по Гардскому озеру на австрийском пароходе «Князь Радецкий» и о неприкрытой враждебности ехавших на этом пароходе итальянцев к австрийским офицерам, Герцен писал: «Не рано ли так опрометчиво толковать о солидарности народов, о братстве и не будет ли всякое насильственное прикрытие вражды одним лицемерным перемирием?» (XIII, 360).

⁴ Фридрих-Христофор Шлоссер (1776—1861) — немецкий историк. Речь идет о его «Всемирной истории»; она переводилась на русский язык сперва под редакцией Н. Г. Чернышевского, а после его ареста — В. А. Зайцева.

⁵ См. в следующем томе «Лит. наследства» публикацию писем Л. Чернецкого к Герцену и Огареву.

⁶ Речь идет об «Общем фонде», созданном при редакции «Колокола».

⁷ Об А. А. Черкесове см. в настоящем томе, стр. 130. Черкесов был товарищем А. А. Серно-Соловьевича по Александровскому лицей и одним из его ближайших друзей. О какой провинности Черкесова перед Герценом говорится в письме, определить трудно. Еще в августе 1865 г. Черкесов возвратился в Россию. Таким образом, речь идет об эпизоде, относящемся к прошлому. Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Герцен, когда в июне 1865 г. писал сыну: «Скажи Огареву, что я Черкесова) пробирал всем на свете—смеялся над ним, ругался,—ничего, как к стене горох. Но деньги он отдаст, за это отвечаю и я, даже в случае смерти, — он сделал распоряжение» (XVIII, 153).

⁸ О М. К. Эллидине см. ниже, в разделе «Аннотации».

⁹ Судьба этих записок А. А. Серно-Соловьевича остается неизвестной.

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

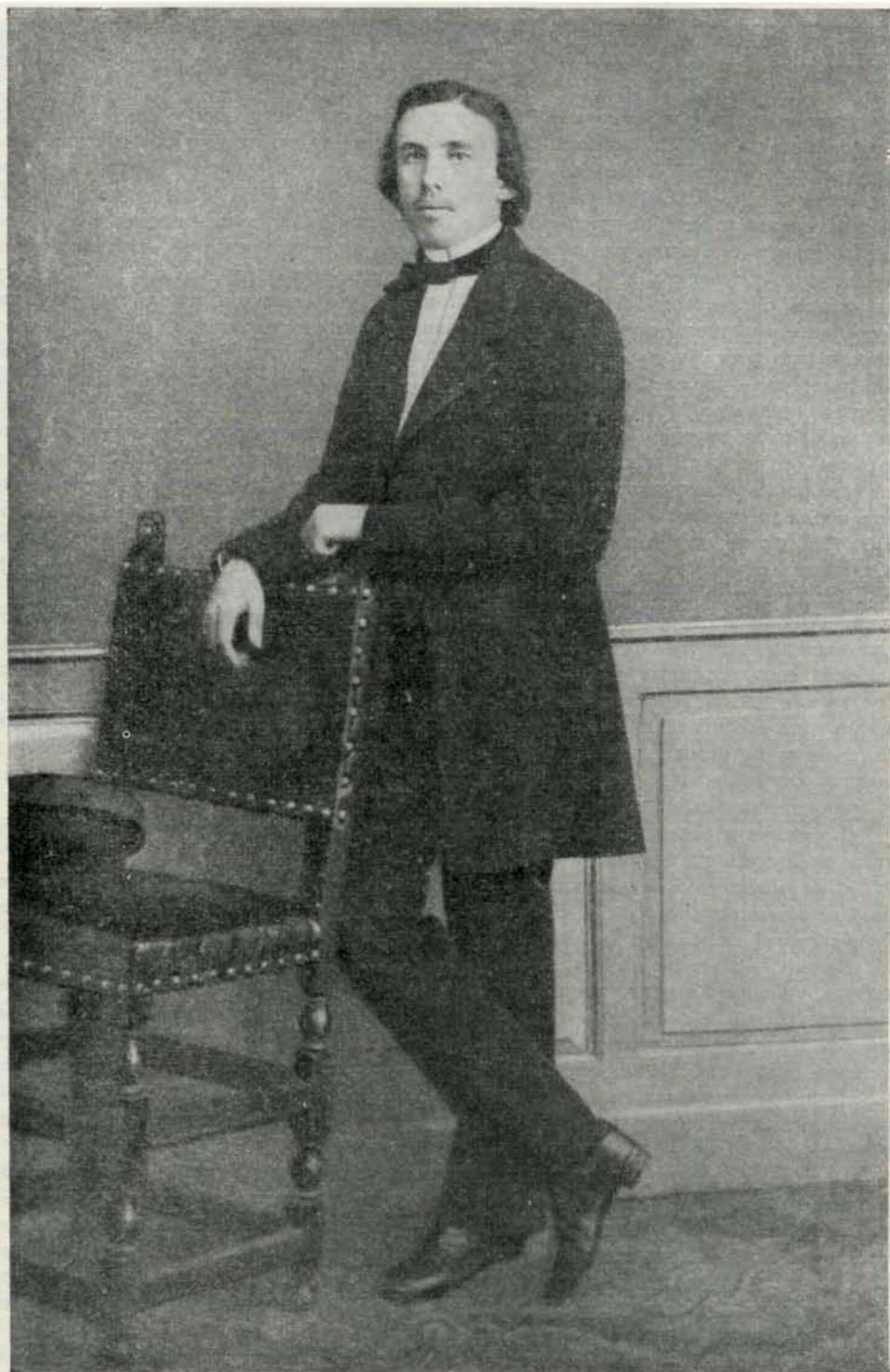
ПРИЛОЖЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ ДОКУМЕНТА О ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В СИБИРИ*

Среди документов «пражской коллекции» хранится половина почтового листка, оторванная по сгибу. Это письмо, конспиративный характер которого несомненен. Документ не имеет обычных опознавательных признаков — нет обращения к адресату, нет даты, в тексте не упоминаются фамилии, которые могли бы пояснить связи пишущего или адресата. В письме встречаются слова и целые предложения, имеющие иносказательный, «заповедный» смысл, да и в целом письмо зашифровано. В конце подписи нет, но в текст, за две-три строки до его окончания, вставлено слово *Negos*, которое при ближайшем рассмотрении оказывается анаграммой первой части фамилии Серно-Соловьевича: *Negos* — *Серно*. Эта фамилия принадлежит двум выдающимся деятелям русского революционно-демократического движения, публицистам и журналистам шестидесятых годов — братьям Николаю Александровичу (1834—1866) и Александру Александровичу (см. выше). Вопрос о том, кто именно из них является автором анализируемого документа, решается сразу, благодаря указанию, содержащемуся в тексте. Слова: «пенсильванская система» (т. е. система одиночного заключения) и «в клетке ничего не поделаешь» не оставляют сомнения в том, что пишущий находился в суровой тюрьме. Этой участи подвергся Николай Александрович: 7 июля 1862 г., в один день с Чернышевским, он был заточен в Петропавловскую крепость и оставался в «клетке» Алексеевского рavelина, в каземате № 16, до 5 июня 1865 г., когда был переведен в пересыльную тюрьму для следования по этапу в Восточную Сибирь на поселение (см. «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 425; ср. XVIII, 169). Сличение почерка записки с автографом Николая Серно-Соловьевича подтвердило, что она написана его рукой.

В истории Петропавловской крепости сравнительно редки случаи конспиративной передачи на волю сведений от заключенных, и самый факт существования конспиративной и в высшей степени содержательной записки, доставленной из рavelина на волю, свидетельствует о недюжинной энергии замечательного деятеля, сумевшего пробить толстые стены своей тюремной гробницы.

Вопрос об адресате письма сомнений не вызывает — письмо обращено к Герцену и Огареву. Об этом свидетельствует не только тот факт, что документ сохранился в бумагах Герцена и Огарева, но и многие строки письма. «Если видите Осипа — самый горячий поклон», — пишет Серно-Соловьевич, используя конспиративное наименование Джузеппе Маццини, принятое в переписке Герцена и Огарева. «Если мой тезка с вами — жму ему руку и благословляю», — пишет он строкою выше. Слова эти могут относиться только к одному лицу — Николаю Утину, бежавшему в мае 1863 г. за границу и опубликовавшему в «Колоколе» известие о своем спасении. В той же заметке Утина была выражена благодарность Центральному комитету за оказанную помощь. К Серно-Соловьевичу, как к члену Центрального комитета, Утин был особенно близок,

* В анализе и расшифровке конспиративного письма Н. А. Серно-Соловьевича из Алексеевского рavelина в Лондон принимали участие А. Р. Г р и г о р я н (установивший автора письма), Я. З. Ч е р н я к и другие исследователи. Материалы об участии Н. А. Серно-Соловьевича в подготовке вооруженного восстания в Сибирии сообщены Н. Д. Ш у л у н о в ы м. Наблюдения, сделанные названными лицами в процессе изучения документов, сведены воедино редакцией «Лит. наследства». — *Ред.*

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Фотография, конец 1850—начало 1860-х гг.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

и потому вполне естественно, что Серно-Соловьевич, руководивший Утиным, мог «благословить» младшего товарища, т. е. одобрить его побег и сотрудничество с редакторами «Жолокола».

Явно обращения к Герцену и Огареву и объяснения того, какую тактику избрал при допросах Серно-Соловьевич. Основным обвинительным материалом против него в руках следователей были: известное письмо Огарева с припиской Герцена, письмо Герцена и письма В. И. Кельсиева (захваченные при аресте П. А. Ветошника). Обвиняемый сперва (в октябре—декабре 1862 г.) отказался признать эти письма в качестве адресованных ему, когда же отрицание сделалось недостаточным, он стал настаивать на своих расхождениях и разногласиях с Герценом, начал доказывать, что Герцену не удалось организовать пропаганды из Лондона, что «никакой пропаганды не было в течение пятилетнего существования в Лондоне русского печатания». Серно-Соловьевич «доказывал» даже, будто в России Герцен так и не нашел корреспондентов. «Сколько мне известно, — писал Серно-Соловьевич, — Герцен никогда не мог убедить ни одного человека взять на себя труд постоянного сообщения известий». Все эти «доказательства» призваны были внушить сенату, что «о каких-либо политических замыслах не было и речи», что никакой революционной деятельностью ни обвиняемый, ни лондонские изгнанники не занимаются, относясь якобы отрицательно к «насильственному изменению порядка» (все цитаты взяты из первого «прошения» Серно-Соловьевича, от 12 января 1864 г.; оно опубликовано, как и два других «прошения», в книге М. К. Лемке «Очерки освободительного движения „шестидесятых годов“». СПб., 1908, стр. 190—191).

Представляя в прошениях, поданных в начале 1864 г. в сенат, себя самого, а также Герцена и Огарева в столь мирном свете, Серно-Соловьевич пытался скрыть от следствия действительное содержание их совместной деятельности. Однако, умышленно искажая свои истинные отношения с вождями революционной эмиграции, Серно-Соловьевич должен был считаться с тем, что в провокационных целях власти могли представить его показания как «ренегатские», могли пустить слух о его «отходе» или «отречении» от революционной партии. Предупредить подобные слухи, разъяснить тактику самообороны, к которой он вынужден был прибегнуть, — вот в чем одна из существенных целей конспиративного письма.

О тактике и поведении Серно-Соловьевича на допросах говорится в следующем месте публикуемого письма:

«С вами поступил не так, как бы хотел, да нечего делать. Пришлось быть Камнем, чтоб не сделаться Осинником. Были и такие; только я от петухов не плачу, а задов [придавливаю] отпихиваю ногой».

Камень — по-гречески Петр. Речь идет об евангельском Петре, который, согласно легенде, трижды в течение ночи (еще до того как пропел петух) отрекся от своего учителя. «Чтоб не сделаться Осинником», — пишет Серно-Соловьевич, т. е. чтобы, подобно Иуде, не сделаться предателем (Иуда, по преданию, повесился, после совершенного предательства, на осине). Итак, ясно, о чем говорит Серно-Соловьевич: он вынужден был отрицать свою близость с Герценом и Огаревым, чтобы вызволить из тяжелого положения десятки привлеченных к делу лиц, не выдать их открытым признанием своей связи с Лондоном.

Благодаря этому месту письма становятся вполне понятными многие тактические приемы, примененные Серно-Соловьевичем на последнем этапе следствия, в январе — марте 1864 г. и ранее смущавшие историков, — некоторые его показания и прошения. Тем самым определяется и приблизительная дата письма. Оно не могло быть написано ранее начала 1864 г., когда Серно-Соловьевич вынужден был признать, что находился в сношениях с Герценом и Огаревым. До конца 1863 г. он держался в этом и других вопросах тактики полного запирательства.

«Были и такие», — говорит Серно-Соловьевич, имея в виду отдельных участников того же «дела», в первую очередь, вероятно, А. И. Ничипоренко и Н. Ф. Петровского, которые проявили преступное малодушие и дали следствию откровенные показания, погубившие многих. Выражение «от петухов не плачу» подчеркивает этот вынужденный и тактический характер «отречения» Серно-Соловьевича от близости с Герценом и Огаревым, отречения не действительного, а мнимого: Петр, согласно евангелию, запла-

кал, когда пропел петух,—подавленный мыслью о том, что он отрекся от учителя («И вышед вон плакася горько»). Слова «гадов отпихиваю ногой» относятся, как мы полагаем, не только к упомянутым «сопроцессникам» Серно-Соловьевича, проявившим на следствии слабость, но, прежде всего, к представителям следственных властей, пытавшимся весьма гнусными средствами воздействовать на обвиняемых, чтобы добиться «откровенных показаний». Как известно, обвиняемым было обещано специальным указом царское помилование за «раскаяние и готовность способствовать к открытию преступлений» (М. К. Лемке. Очерки..., цит. изд., стр. 183). «Морят, думаю, по 2-м причинам: из политики, чтоб не поднимать лишнего шума, и в надежде пронюхать что-нибудь от новых жертв». Это место показывает, что записка была послана в тот период заключения, когда допросы и расследования, касавшиеся всех арестованных в 1862 г., закончились и дело вошло во вторую стадию — весьма медленную — в стадию добывания новых данных и «юридических» доказательств: их было недостаточно не только в «деле» Чернышевского, но и в «деле» Серно-Соловьевича. После марта 1864 г. фактически прекратилось какое-либо движение судебного дела. Эта «пауза» («морят из политики»), преднамеренно затянутая, чтобы об арестованных успели на воле основательно забыть, чтобы судьба их оказалась заслоненной новыми событиями, чтобы в тени можно было легче совершить свое темное дело, в основном приходилась на конец 1863 и на 1864 г.

Горькие и страстные слова: *«Гибель братьев разрывает мне сердце (...). Лучшие из нас — молокосопы перед ними...»* — привлекают особенное внимание. Можно без колебания утверждать, что здесь идет речь о деятелях польского освободительного движения, погибавших в это время в результате завершавшегося разгрома восстания 1863 г. Очевидно, до казематов рavelина дошли вести о беспримерных по своей кровавой жестокости усмирительных подвигах Муравьева-Вешателя в Литве и Белоруссии и генерала Берга в Польше. Крик боли и гнева исторгает из груди честнейшего революционера не только гибель выдающихся польских и русских деятелей — братьев по борьбе. Его взволновала и бесстыдная, подлая, направленная против этих людей клевета. Они — эти герои восстания — не только были физически истреблены, но имена их были затоптаны в грязь, они были облиты ядовитой ложью, реакции удалось восстановить против них значительные массы русского народа. Была организована кампания подачи «всеподданнейших адресов» с требованиями наказать «возмутителей», кампания, в которой участвовали не только дворяне — крепостники, либералы, чиновники и пр., но и купцы, мещане, зажиточные слои деревни, сельская администрация и т. д. Адреса подавались не только «сословиями», но и целыми обществами, приходами, старообрядческими согласиями, сектантами. Герцен назвал эту кампанию «адресоложеством», Огарев в «Общем вечере» несколько раз выступал со статьями, разяснявшими крестьянам смысл этой «патриотической» свистопляски (см. его статью «Выкликание духов» в № 16 от 15 мая 1863 г.; см. также №№ 15 и 17). Из-под пера Серно-Соловьевича срываются страшные упреки «толпе», покорно следующей за шовинистическим знаменем. Подобно Чернышевскому, который с глубокой трагической болью и чувством настоящей любви к родине говорил о духе рабства, владевшем массами народа, Серно-Соловьевич говорит о том же, но словами еще более резкими: он называет состояние народа *«безмозгло-подлым»* и спасается от отчаянья лишь верой *«в его будущность»*.

Серно-Соловьевич — сильный революционный диалектик. Говоря о будущем русского народа, в которую он горячо верит, он пишет: *«Но и для нее теперь гораздо более могут сделать глупость и подлость, чем ум и энергия, — к счастью, они у руля»*. Тут в парадоксальной форме развита мысль, высказанная им же еще в известной статье «Ответ „Великоруссу“» («Колокол», л. 107 от 1 октября 1861 г.). «Тупость самодержавия, — писал Серно-Соловьевич тогда, — послужила впрок, обратив против него силу, которая могла бы поддержать его (...) Правительственные сумасшествия, чиновничьи грабежи, помещичьи зверства не замедлят превратить его (нелегальный союз, поддержанный народом. — Ред.) в глыбу».

Итак, подвергнув анализу некоторые места письма, мы пришли к заключению, что адресовано оно Герцену и Огареву, написано в первой половине 1864 г. и, наконец,

что оно затрагивает сложные вопросы революционного движения шестидесятых годов.

Письмо, сохранившееся в «пражской коллекции», отнюдь не является первой вестью о Серно-Соловьевиче, дошедшей до Герцена после ареста выдающегося революционера и заключения его в крепость. У нас есть основания утверждать, что разными путями и из разных источников в Лондон еще до получения письма от Серно-Соловьевича доходили довольно верные, а иногда и совершенно точные известия о нем и о других заключенных. Так, например, 15 ноября 1862 г. В. И. Касаткин, получив известия из России, писал Герцену из Женевы в Лондон: «Первый допрос С(ерно)-С(оловьевича) был в конце прошлого месяца*. Он бодр духом и спокоен донельзя; *судя по его письмам из крепости*, для обвинения его и Чернышевского велено составить выдержки из их печатных произведений» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 53). В подчеркнутых нами словах речь, очевидно, идет о тех конспиративных письмах, которые Серно-Соловьевичу удалось каким-то способом посылать из крепости.

Известно, что Серно-Соловьевичу разрешено было вести переписку с братом Владимиром Александровичем, причем переписка эта просматривалась комендантом крепости. Разрешены были и свидания с братом. Весьма возможно, что Серно-Соловьевич воспользовался именно этими свиданиями, чтобы завязать конспиративные связи с вслей. Н. Ф. Бельчиков, обследовавший переписку Н. А. Серно-Соловьевича 1862—1865 гг., указал на конспиративный характер части переписки, хотя и неверно назвал в качестве адресата этих писем Н. В. Шелгунова (см. «Неизданные стихотворения Н. А. Серно-Соловьевича» — «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 424).

Н. А. Серно-Соловьевич вел из крепости переписку также и с братом Александром, уехавшим за границу и оставшимся в эмиграции. В специальном документе, составленном в 1864 г. для родных, А. А. Серно-Соловьевич рассказал об этих сношениях, причем сообщил, что брат его воспользовался для ведения переписки свиданиями с А. А. Рихтером (управлявшим книжным магазином Серно-Соловьевича). А. А. Серно-Соловьевич располагал, как он сообщает, сведениями, «собранными (...) из различных источников — между прочим из писем Николая, писанных из крепости и пересланных мне г. Рихтером...» («Звенья», III, 1935, стр. 412).

Приведенные данные позволяют высказать предположение, что публикуемое письмо было переслано Герцену и Огареву тоже через посредство А. А. Рихтера и А. А. Серно-Соловьевича.

Было ли сохранившееся в «пражской коллекции» письмо единственным посланным из Алексеевского рavelина в Лондон — мы не знаем; несомненно лишь, что оно было первым. На это указывает все содержание письма и особенно его торжественное начало: автор, после долгой разлуки со своими соратниками, вновь подтверждает верность прежнему, т. е. революционному, знамени: *«Я люблю вас, как любил; люблю все, что любил, ненавижу все, что ненавидел**». Но вы довольно знали меня, чтоб знать все это».*

За этим заявлением следует фраза, которая относится не только к автору письма, но и к Чернышевскому и ко многим членам «Земли и воли», оказавшимся достаточно сильными, чтобы противостоять «молоту», обрушившемуся на них и внутри и вне стен крепости. *«Молот изрядно колотит, но он бьет не стекло»*, — пишет Серно-Соловьевич, напоминая адресатам знаменитые строки «Полтавы»:

* Отмечаем точность этого сообщения, вполне подтверждаемого документами следствия: первый допрос Серно-Соловьевича состоялся 16 октября ст. ст. 1862 г., т. е. действительно, как пишет Касаткин, «в конце прошлого месяца» — 28 октября н. ст. Из этого факта видно, с какой быстротой вести из крепости доходили до петербургских членов организации и пересылались ими за границу.

** В стихотворении Серно-Соловьевича 1863 г. «Исповедь» («Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 430) читаем:

...Две страсти знал я:
Любовь к свободе и к добру.
.....
Всем сердцем рабство ненавидел
И тиранию презирал.

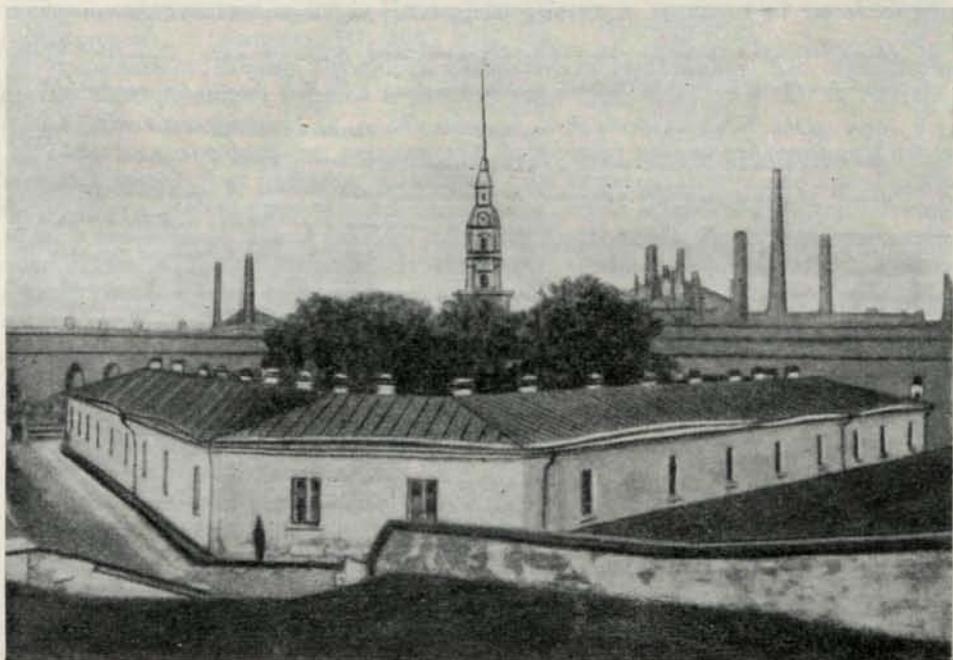

Но в искушеньях долгой кары
 Перетерпев судеб удары,
 Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
 Дробя стекло, кует булат.

Таким образом, первая цель письма к Герцену и Огареву — сообщить друзьям и единомышленникам, что и он сам и другие заключенные революционеры закаляются в борьбе, что они не утратили веры в будущую победу: *«Лишь бы физика вытесла, наши дни придут еще»*. *«К личному положению отношусь совершенно так же, как прежде, обсуживая возможность его»*, — пишет Серно-Соловьевич далее. Эти слова показывают, что арест не застал Серно-Соловьевича врасплох, что он всегда был готов к нему и заранее решил, как станет вести себя, если окажется в тюрьме.

Не все, однако, осталось неизменным: *«На общее положение взгляд несколько изменился. Почва болотистее, чем думалось. Она сдержала первый слой фундамента, а на втором все ушло в трясину»*.

Речь здесь, скорее всего, идет о «Земле и воле». Мысль Серно-Соловьевича как будто достаточно ясна: пока создание этой революционной организации находилось в первоначальном периоде, пока закладывался первый слой «фундамента», «почва» выдерживала, а при возведении «второго» слоя, т. е., по видимому, при расширении организации, «почва» поддалась, здание рухнуло — «все ушло в трясину». Определяя дальнейшую программу деятельности революционеров после разгрома части петербургской организации, Серно-Соловьевич пишет: *«Что же делать? Слабому — придти в уныние, сильному сказать: счастье, что трясина выказала себя на фундаменте, а не на последнем этаже — и приняться вбивать сваи»*. Тем самым Серно-Соловьевич призывает деятелей революционной партии не складывать оружия, а немедленно начать сызнова «вбивать сваи», немедленно взяться за подготовку нового и победоносного развертывания революционной борьбы. Не исключено, однако, что слова о «почве»,

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН. ЗДЕСЬ В КАЗЕМАТЕ № 16 С 7 ИЮЛЯ 1862 г.
 ПО 5 ИЮНЯ 1865 г. СОДЕРЖАЛСЯ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ
 Фотография 1873 г.

ДОМ В ТЕДДИНГТОНЕ БЛИЗ ЛОНДОНА. ЗДЕСЬ С 28 ИЮНЯ 1863 г. ПО АВГУСТ 1864 г. ЖИЛ ГЕРЦЕН

«Дом я нанял в Teddington'e, т. е. возле Буши-Парка и близ Твикенма; в поле туда будет ходить железная дорога. Дом называется Elm-field-House» (Из письма Герцена к сыну от 8 июня 1863 г.)

«The Daily Graphic» от 3 апреля 1906 г.

которая оказалась болотистее, чем думалось, относились и к оценке общественно-политической обстановки, характеризовавшейся в ту пору временным торжеством сил реакции.

К мысли о неизбежности победы революции в России Серно-Соловьевич возвращается еще раз в том месте письма, где он сравнивает данную стадию русского революционного движения с кануном первой французской революции 1789—1794 гг. Так, он пишет: *«Дитя будет, но должно созреть. Это досадно, но все же лучше иметь ребенка, чем ряд выкидышей»*. Необходимо подчеркнуть, что образ революции как созревающего в недрах общества плода встречается в переписке Герцена и Огарева в это же время. В письме Герцена к Огареву от 29 апреля 1863 г. читаем: «Вера в нашу силу, я не верю, что можно произвести роды в шесть месяцев беременности, и мне кажется, что Россия в этом шестом месяце, и ниже, в том же письме: «...веры чтоб зародыш был готов что мы можем „сделать восстание“, у меня еще нет» (XVI, 232 и 233, см. также 241).

Таким образом, слова о *«выкидышах»* в записке Серно-Соловьевича были вполне понятны Герцену и Огареву и без ссылки на «последнюю главу» первой части книги Бокля. Первый том «Истории цивилизации в Англии» заканчивается главой XIV: «Ближайшие причины французской революции, начиная с середины XVIII столетия» (по изд. 1905 г., СПб., стр. 341—384). Речь шла о сходстве причин, породивших революцию во Франции, с причинами, действующими в России, но, разумеется, не в том смысле, в каком понимал их Бокль. Серно-Соловьевич стремился подчеркнуть: Россия чревата революцией, плод должен созреть, *«дитя будет»*. Это и было важнейшей мыслью анализируемого письма.

Вера в неизбежную победу сил революции звучит и в тех словах письма, которые предшествуют подписи «Neros»: *«...возлагаю на вас крепкие надежды: больше всего на время, потом на вас»*.

Понятие «время» Серно-Соловьевич прочно связывал с ростом молодых сил, и потому относился к времени, как к своему союзнику. Он писал в том же 1863 г.:

Мое не проиграно дело,
Ведь у меня союзник есть
.....
Союзник мощный этот: Время.
Оно за нас горой стоит,
С ним юное возрастает племя,
В котором правды луч горит.

(«Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 440)

«Больше всего надеюсь на вырастающие у нас молодые революционные силы и крепко надеюсь на вас — учителей молодежи», — вот одна из основных мыслей письма Серно-Соловьевича к Герцену и Огареву.

Заключительные строки письма — о проекте «общественного банка» — следует сопоставить с одной из экономических работ Серно-Соловьевича, созданных в Алексеевском равелине, — с запиской «О мерах к умножению богатства и улучшению материальных условий народного труда в России». Один из разделов записки озаглавлен: «Развитие кредита учреждением общественных банков»*. «За основной капитал банков, — пишет Серно-Соловьевич, — принимаются государственные и общественные недвижимые имущества и под их обеспечение предполагается выпускать банковые ассигнации для пособия кредитом личному труду, промышленности, земледелию, торговле». Другой раздел записки озаглавлен: «Упрощение системы податей и налогов». Основные мысли следующие: «Банки будут сами взимать подати и вносить их в казну или расходовать на местах сообразно назначению. Прибыли банков пойдут в уплату налогов. Остальную сумму план предлагает покрывать одним поимущественным налогом» («Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 87—89).

Не в состоянии мы точно расшифровать смысл одной фразы, находящейся в середине письма: «В клетке ничего не поделаешь: однако изредка просунешь лапу да и цапнешь невзначай». Имел ли тут в виду Серно-Соловьевич следователей, которых ему иногда удавалось поставить втупик, или свои нелегальные сношения с волей — мы не знаем. Это остается невыясненным. Но все то, что удалось разъяснить, изучая конспиративный документ из «пражской коллекции», проливает новый свет не только на деятельность одного из замечательнейших руководителей «Земли и воли», но и на взаимоотношения двух русских революционных центров шестидесятых годов — петербургского и лондонского. Письмо Серно-Соловьевича — важное свидетельство взаимосвязи, существовавшей между обоими центрами.

(Петропавловская крепость. Алексеевский равелин.
Первая половина 1864 г.)

Я люблю вас, как любил; люблю все, что любил; ненавижу все, что ненавидел. Но вы довольно знали меня, чтоб знать все это. Молот изрядно колотит, но он бьет не стекло. Лишь бы физика вынесла, наши дни придут еще. Временами грудь чувствовала прелести пенсильванской системы, но теперь ничего; силы есть и будут. К личному положению отношусь совершенно так же, как прежде, обсуживая возможность его. На общее положение взгляд несколько изменился. Почва болотистее, чем думалось. Она сдержала первый слой фундамента, а на втором все ушло в трясины. Что же делать? Слабому — придти в уныние, сильному сказать: счастье, что трясина выказала себя на фундаменте, а не на последнем этаже — и приняться вбивать сваи. В клетке ничего не поделаешь: однако изредка просунешь лапу да и цапнешь невзначай. Морят, думаю,

* Записка датирована 7 июля 1864 г. Однако из примечания Серно-Соловьевича видно, что проект общественного банка был впервые изложен им в статье «План финансовой и хозяйственной реформы».

по 2-м причинам: из политики, чтоб не поднимать лишнего шума, и в надежде проноухать что-нибудь от новых жертв. С вами поступил не так, как бы хотел: да нечего делать. Пришлось быть Камнем, чтоб не сделаться Осинником. Были и такие; только я от петухов не плачу, а гадов [придавливаю] отпихиваю ногой.

Гибель братьев разрывает мне сердце. Будь я на воле, я извергал бы огненные проклятия. Лучшие из нас — молокососы перед ними, а толпа так гнусно подла, что замарада бы самые ругательные слова. Я проклял бы тот час, когда сделался атомом этого безмозгло-подлого народа, если бы не верил в его будущность. Но и для нее теперь гораздо более могут сделать глупость и подлость, чем ум и энергия, — к счастью, они у руля.

Перечтите последнюю главу 1-й части Бокля: вы увидите, что причины группируются с поразительным сходством. Дитя будет, но должно созреть. Это досадно, но все же лучше иметь ребенка, чем ряд выкидышей. Природа вещей не уступает своих прав. Но в умственном мире ее можно заставить работать скорее или медленнее. Если мой тезка с вами — жму ему руку и благословляю. Если выдаете Осипа — самый горячий поклон. Вас обнимаю так крепко, как только умею, и возлагаю на вас крепкие надежды: больше всего на время, потом на вас. Помните и любите меня, как я вас. — Negos. — Составил план обществ. банка, чреватый последствиями: фонд — мобилизация имуществ; кредит — от личного (при поручит.) до недвижим., прибыль — в налог, остальной налог — один по имуществ., т. е. доход и капит. прогрессив.

Печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 194).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ И ПОДГОТОВКА В 1866 г.
ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В СИБИРИ

5 июня 1865 г. Н. А. Серно-Соловьевич был переведен из Алексеевского рavelина в Петербургскую пересыльную тюрьму, а 27 июня отправлен в Восточную Сибирь «на вечное поселение», как гласил приговор. Через три месяца, 26 сентября, сосланный был доставлен в Красноярск, а в самом начале февраля 1866 г. прибыл, вместе с партией ссыльных поляков, в Иркутск. Через несколько дней по прибытии в Иркутск Серно-Соловьевич умер. Обстоятельства и причины его смерти до сих пор не могут считаться точно установленными (см. М. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», цит. изд., стр. 227—229). Когда «черная весть» дошла до Герцена, он бросил правительству со страниц «Колокола» гневные слова: «Благороднейший, чистейший, честнейший Серно-Соловьевич — и его убили (...) Это был один из лучших *essenlich* провозвестников нового времени в России... И он убит. „Да они не хотели его смерти“. — Что за вздор! Михайлов умер, Серно-Соловьевич умер, Чернышевский болен...» (XVIII, 375).

Неясны не только обстоятельства и причины смерти Серно-Соловьевича. Мы мало что знаем и о жизни замечательного революционера в Сибирь, во время длительного пути его в ссылку. Причина — крайняя скудость документальных источников, относящихся к последнему периоду биографии Серно-Соловьевича. Сохранилось лишь одно письмо его из Сибири. Это письмо к В. В. Ивашевой (в замужестве Черкесовой), датированное 3 ноября 1865 г. и посланное, вероятно, из Канска. Оно было сохранено М. Н. Слепцовой и напечатано М. К. Лемке (указ. соч., стр. 225—227). Письмо имеет конспиративный характер. «Помните, — писал Серно-Соловьевич, — расставаясь, мы оба недоумевали, откуда вы получите вести, с Востока или с Запада. Теперь вопрос давно решен окончательно и бесповоротно, и, конечно, „он не напрасно подчинился самой страшной судьбе, какая только может постигнуть человека“. Помните эти слова и носите их в себе (...) Я постоянен и в привязанностях, и в ненавистях. Живите

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

Отправка рекрутов из Варшавы

«L'Illustration», № 1045 от 7 марта 1863 г.

жизнью настоящею, живую, а не дремотным прозябанием. Старайтесь помнить притчу о женихе и девах.

Публикуя письмо, Лемке оказался не в состоянии правильно вскрыть его конспиративное содержание. Он усмотрел в нем всего лишь «мысль о побеге», да еще свидетельство того, как «бодрился» (!) Серно-Соловьевич «в тяжелых условиях ссыльного» (там же).

В действительности иносказание письма означало нечто совсем другое.

Согласно евангельской притче, упомянутой Серно-Соловьевичем, лишь мудрые девы, заблаговременно наполнившие маслом светильники свои, пошли на брачный пир, когда «в полночь раздался крик: „Вот жених идет, выходите навстречу ему“». Образ «жениха» символизирует в данном случае революцию. Но слова Серно-Соловьевича означали не только призыв к товарищам по борьбе всегда держать себя в состоянии полной готовности к практическому революционному действию. В них содержался намек на какой-то конкретный и смелый революционный замысел, вопрос о котором был «решен окончательно и бесповоротно». Как можно понять, принятое Серно-Соловьевичем решение не подтверждало, а, наоборот, отменяло или, по крайней мере, откладывало ранее выработанный план его побега из Сибири на Запад, к Герцену и Огареву.

В литературе уже имелись кое-какие сведения о причастности Серно-Соловьевича к подготовке в Сибири вооруженного восстания ссыльных. Эти сведения были сообщены Л. Ф. Пантелееву в 1885 г. в Петербурге одним из участников событий 1865—1866 гг., поляком К., возвращавшимся на родину из сибирской ссылки. Рассказ К. был приведен Л. Ф. Пантелеевым в статье «Из прошлого польской ссылки в Сибири», напечатанной в 1910 г. в журнале «Сибирские вопросы» (вошло в издание: Л. Ф. П а н т е л е е в. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 428—447).

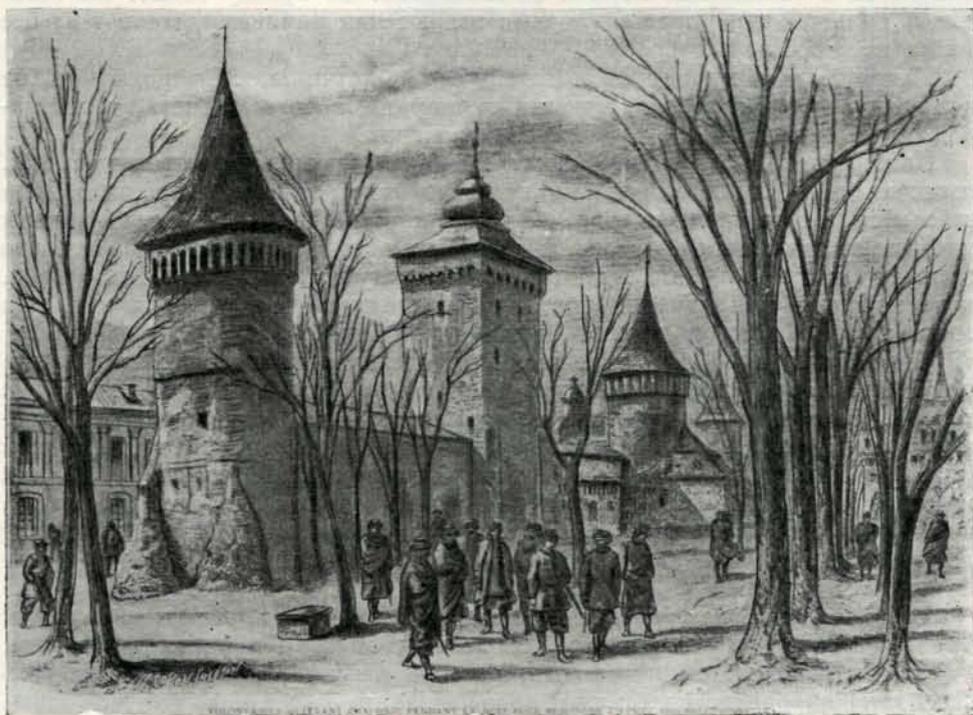
Сейчас мы имеем возможность подтвердить и дополнить скудные свидетельства позднейшего мемуарного источника подлинными документами событий — документами тем более ценными, что текст их принадлежит самому Серно-Соловьевичу, и один документ — его товарищу по участию в подготовке восстания, Левандовскому. Документы обнаружены в Центральном государственном историческом архиве в Москве, в «деле» III Отделения, озаглавленном: «О преступных замыслах поляков. По доносу о готовящемся восстании в Сибири ссыльных поляков вместе с татарами» (1 экз., № 38, ч. 3, нач. 31 января 1866 г.). Материалы «дела» относятся к не разработанным

ной еще в исторической литературе теме—к вопросу о деятельности русских и польских революционеров шестидесятых годов в сибирской ссылке. Неизученность этого участка общего фронта революционной борьбы в России шестидесятых годов не дает возможности воссоздать полную картину тех событий конца 1865—начала 1866 г. в Восточной Сибири, отдельные эпизоды которых отражены во вновь найденных архивных материалах. Не в состоянии мы вскрыть сейчас и отдельные зашифрованные места в печатаемых текстах. Задача настоящего сообщения — привлечь внимание историков к четырем вновь обнаруженным документам, связанным с попыткой Серно-Соловьевича продолжить в условиях сибирской ссылки начатое в России революционное дело.

* * *

22 февраля 1866 г. в Петербург поступила шифрованная телеграмма от генерал-губернатора Восточной Сибири: «Между многими политическими преступниками Енисейской губернии обнаружено намерение составить весною восстание. Благодаря тайной полиции своевременно приняты меры. Зачинщики арестованы. Дело исполнено без огласки. Держится секретно. Опасности нет. Подробности почтой» (цит. дело, л. 40).

Как показывают материалы обширного донесения, направленного в III Отделение штаб-офицером корпуса жандармов в Красноярске полковником Борком (№ 35 от 11 февраля 1866 г.), восстание предполагалось поднять 15 февраля или 1 марта 1866 г. на Троицком заводе, расположенном в 193 км от г. Канска. Это выступление должно было послужить сигналом к общесибирскому восстанию народных масс и войска под руководством политических ссыльных. Дальше, видимо, предполагалось распространить восстание на центральные районы страны и превратить его в общерусскую народную революцию.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

Краковские волонтеры ночью покидают город, чтобы присоединиться к повстанческой армии. «L'Illustration», № 1048 от 29 марта 1863 г.

Центр революционной организации, подготавливавшей восстание, находился в Красноярске. О том, когда именно и как возник замысел восстания, мы узнаем из рассказа упомянутого поляка К. в передаче Пантелеева. «В том же (1865) году, под осень, — сообщается в этом рассказе, — следовали на каторгу Н. А. Серно-Соловьевич, Владимир и Ветощников; в красноярском остроге Серно-Соловьевич сблизился с Левандовским. От разговоров о побеге перешли к вопросу о возможности вооруженного восстания ссыльных. В успехе его Серно-Соловьевич не сомневался; он по дороге имел возможность вступить в сношение с местными жителями и, повидимому, вынес впечатление, что восстание найдет поддержку и может повести не только к освобождению ссыльных, но и вызовет революционное движение сначала в Сибири, а затем и в России» (указ. соч., стр. 437).

Серно-Соловьевич принял руководящее участие в работе конспиративного центра. Им было написано воззвание, обращенное к народу, войску и ссыльным полякам, — программный документ, на основе которого велась пропагандистская и агитационная подготовка выступления. Приведем текст этой неизвестной до сих пор прокламации Серно-Соловьевича, написанной в духе и стиле знаменитого воззвания Чернышевского — «Барским крестьянам».

1

Во имя правды и воли и ради вечного благополучия всех и каждого.

Время, на котором давно писано и которого ждет народ, пришло. Мера беззакония царя и его слуг, притеснителей народа, переполнилась. Переполнилась мера народных страданий и народного терпения. Братья! У нас нет ни правды, ни воли. Народ страдает и мучится, а начальство сосет его кровь и тешится. Деньги, заработанные потом и кровью народа, идут для потех и беззаконий царя и начальников. За правду гонят. На богатых и сильных нет управы. Людьями играют как мячиками, гоняют их без толка из стороны в сторону.

Какая польза народу от податей, от солдатчины, от чиновников, от царя, их судов и острогов, мучений и неправд, которые за них терпит народ? Пользы никакой. Только мучения и грех.

Попы приказывают повиноваться царю и начальникам, потому что они, перестав быть служителями божьими, сделались слугами царскими. Они заботятся не о спасении народа, а о своих карманах. Они для своей пользы морочат темный народ. Прочтите священные книги. В них сказано, что царь был дан народу в наказание за беззакония и будет мучить народ, пока народ не исправится. Прочтите евангелие. Так ли мы живем, как заповедал Христос, как жили первые христиане?

У нас нет ничего, кроме беззаконий, и за то наши страдания увеличиваются. Пусть старики скажут по совести, когда было лучше жить: теперь или когда они сами и их отцы были молоды. Братья! довольно грешить и страдать! Будет помогать беззакониям начальников. У них никакой силы, кроме нашей. Мы сами помогаем им губить себя. В казне нет других денег, кроме платимых народом в податях. У царя нет других солдат, кроме данных обществами из своих же детей, братьев и отцов. Не народ живет чиновниками, а чиновники — народом. Без них народу будет лучше и вольнее.

Вся сила в народе. Братья! Встанем же дружно за правду и свою волю. Теперь всем худо. С правдою и волею будет всем хорошо. Мужчины, женщины, дети, старые и молодые, помогай каждый, кто как может, святому делу народного спасения и освобождения.

От сего дня не платить никаких податей, не ставить солдат. Ничем не обижать друг друга. Жить как братья. Гнать казенных начальников и выбирать промеж себя, куда нужно будет, правдивых и честных людей.

ДЕЛО «О ЛИЦАХ, ОБВИНЯЕ-
МЫХ В СНОШЕНИЯХ С ЛОН-
ДОНСКИМИ ПРОПАГАНДИ-
СТАМИ», 1862—1864 гг.

Это многотомное дело содержит материалы, относящиеся к известному «процессу 32-х», центральной фигурой которого был Н. А. Серно-Соловьевич

Обложка тома 4-го

Центральный исторический
архив, Москва

Кто не послушается и не исполнит этого, будет изменником народу. Тому скорая и вечная гибель. Все его имение у него отнимается и дается лучшему. Целые села и города погибнут от меча и огня, если не станут за народ. Солдаты! Не идите против народа. В нем ваши братья и сестры, жены и дети, родители и родственники. Пусть каждый, кому велят стрелять в народ, вспомнит, что ему от того нет никакой пользы и что другой будет бить его жену, сестру и его мать. Солдаты! Ваша присяга царю, как ваша служба ему, — невольная. Она грех и несчастье для вас самих. Идите по домам. А кому любя служба — служите своим. С ними вам будет лучше житье и гораздо больше жалованья.

Поляки! Вы, сосланные в Сибирь за вашу отчину, вы, мученики за волю, вы, всего лишенные тем же царем, который угнетает и русский народ, — вы, побежденные только потому, что народ русский не понял и не знал, за что вы бились, — встаньте дружно до одного человека вместе с народом за отечество и волю.

Народ! Встань честно, смело и дружно за правду и волю!

Для практического руководства подготовкой восстания были составлены две инструкции: общая (№ 1) и специальная (№ 2) об организации военной силы. Инструкции были написаны на польском языке полковником Левандовским — активным участником восстания 1863 г. Левандовский был назначен главным начальником всех военных сил будущего восстания.

Текст общей инструкции гласил (в русском переводе, приложенном к жандармскому донесению):

ИНСТРУКЦИЯ № 1

С целью скорейшей организации решено принять следующее разделение: губерния делится на округа, округ — на волости. Каждая из этих частей имеет своего предводителя или начальника, как-то: округ — окружного, волость — волостного. Волостные начальники, имена которых объявляются словесно окружными, получают от них приказания на основании настоящей инструкции.

1) Волостным начальникам поставляется в строжайшую обязанность ознакомиться вполне с численностью польских изгнанников и их местожительством, употребить все средства, чтобы как можно в скорейшем времени приготовить большинство их к движению; они обязаны в данный момент выставить не менее 100 человек.

Прежде всего они должны быть деятельны и энергичны, во 1-х, чтобы подвинуть дело вперед как можно поспешнее, а во 2-х, чтобы служить хорошим примером своим подчиненным.

2) В организации следует принять систему десяточную; для этого нужно приискать верных и способных людей на должности десятников и употребить их как помощников в подготовительных работах.

3) Завести почты между деревнями и наблюдать за скорым их действием.

4) Высмотреть хороших лошадей, огнестрельное оружие и косы, — все это частью закупить, позаимствовать, а в крайности брать силою от местных жителей.

5) В назначенный день привести собранных людей на сборный пункт, указанный окружным начальником.

6) Доносить окружному начальнику подробным рапортом об успехе работ, ему вверенных, а равно о вредных людях и шпионах. Люди же ненадежные и не сочувствующие делу не должны быть посвящены преждевременно в тайны.

В том же донесении, из которого заимствован текст инструкции, сообщается и о многих других деталях практических мероприятий центра, связанных с подготовкой восстания. Окружным начальникам вменялось в обязанность распространять прокламацию Серно-Соловьевича. Был разработан шифр для конспиративной переписки и установлены «девизы» для обозначения членов руководящего центра. Была организована связь центра с округами и налажены «тайные почты» между политическими ссыльными. Автор донесения констатирует наличие хорошо налаженной связи между ссыльными революционерами. «Сношения между политическими ссыльными производятся замечательно скоро, — читаем в донесении, — сведения получаются ими отсюду, даже из-за границы. Так, например, им подробно известен весь ход и последствия побега в минувшем году, в Иркутской области, семи политических арестантов. (...) В настоящее время множество сведений и корреспонденции политические ссыльные получают с каждой прибывающею партией арестантов» (цит. дело, лл. 49—52).

Приготавливались инструкции, бланки и печати для начальников округов и волостей.

Устраивались конспиративные совещания членов руководящего центра с начальниками округов и волостей. На этих совещаниях основное внимание уделялось вопросу о способе привлечения к восстанию широких масс крестьянства и учащейся молодежи. В донесении отмечается, что политические ссыльные «сближаются с крестьянами, распространяя между ними вредные толки», что «юношество Сибири развращается наставниками и даже между семинаристами завелась нигилисты».

Руководящий центр, переместившийся в конце ноября 1865 г. вместе с партией ссыльных из Красноярска в Канск (здесь жил в это время и Серно-Соловьевич), стре-

мился координировать действия отдельных групп повстанческих сил. Повидимому, для непосредственного ознакомления с обстановкой в основные районы предполагаемых действий были направлены члены руководящего центра. В Томскую губернию выехал Шленкер, в Иркутскую — Серно-Соловьевич *. С этой поездкой связаны два конспиративных письма Серно-Соловьевича, попавшие в руки властей. Подлинники писем вместе с другими документами были доставлены в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову. В деле III Отделения сохранились два экземпляра копий (повидимому, далеко не совершенных) этих документов. Мы печатаем их по копии, приложенной к донесению генерал-губернатора Восточной Сибири министру внутренних дел от 27 февраля 1866 г. Примечания к документам принадлежат автору донесения; они находятся только на одном экземпляре. Письма не датированы, но, несомненно, относятся к концу 1865 г. и посланы из Канска. Первое письмо обращено к Иосафу Сулинскому и подписано шифром «2S» (то есть первыми буквами фамилии), второе — к П. А. Беневоленскому, оно подписано буквой «Н» (то есть первой буквой имени).

3

〈ИОСАФУ СУЛИНСКОМУ〉

(Канск. Декабрь 1865 г.)

Еду в Иркутск, где буду в 20-х числах января. Сделаю, что можно. В случае полной невозможности вернусь к вам, когда потребуется. Старайтесь, во что ни стало, приготовиться к концу Ф.¹

В случае надобности обратитесь к Ермолаю Тимофеевичу Голубкову, в собственном доме на Енисее, у соляных амбаров. Я его лично не знаю, ни он меня, но это человек, очень значительный у здешних староверов, вообще расположенных к нам. Он может указать средства для переездов, пересылок, пристанища. Прежде чем обратиться к нему за каким-либо делом, надо просто познакомиться с ним. Если не хотите сделать это сами — поручите Бн.² Пусть он пойдет к Г. с поклоном от старика Антипа Никитина из Канска. Прилагаю при сем записку к Б. с наставлениями по этому делу. Посылаю вам письмо к Кузнецову³, где благодарю его за присланные деньги; это вам случай познакомиться с ним. Это человек, готовый на добрые дела. Знакомство с ним может быть полезно. Если не желаете его, поручите доставку письма О.⁴ В письме не сказано, кто доставит, но просто: «с верной оказией».

Я узнал, что О. имел основание прислать мне трубку⁵. Благодарю его.

Приехав в Ир(кутск), постараюсь установить с вами сношения. Если не будет лучшего пути, то хоть по старому, через О. Письма, адресованные Василию Семеновичу⁶, будут для старого вождя⁷, которому вы постарайтесь доставить их. Виделись ли с ним? Пока не получите точного адреса, посылайте мне известия с каждой партией.

Все, что есть у нас, посылается вам, но не все удалось, что хотели сделать. Известия из волостей благоприятны. Приняты меры, чтобы проверить, насколько они верны.

Будьте здоровы и благополучны. Сердечно жму вашу руку.

2S

Вырезанный лист для переписки на письме накладывать там, где будет на поле знак.

* В рассказе К. в передаче Пантелеева этот эпизод изложен иначе: «В видах расширения организации решено было, что Шленкер пойдет в Ачинск и Маринск, а Михайловский, бывший эмигрант, — в Иркутск, чтобы там заблаговременно подготовить почву» (Л. П а н т е л е е в. Указ. соч., стр. 443).

¹ Ф—февраля.

² Бн—Беневоленскому (Петру Андреевичу, сосланному за пропаганду в Введенской воскресной школе в Петербурге.—*Ред.*)

³ Кузнецову Петру Ивановичу, потомственному почетному гражданину в г. Красноярске.

⁴ О—Освальду (Николаю Николаевичу, сосланному за литографирование и распространение «Великорусса». — *Ред.*)

⁵ Трубку—подзорную.

⁶ Неизвестно кто.

⁷ Старый возждей—псевдоним Левандовского.

4

(П. А. БЕНЕВОЛЕНСКОМУ)

(Канск. Декабрь 1865 г.)

Любезнейший П. А.¹ Постарайтесь познакомиться с Ермолаем Тимофеевичем Голубковым, в соб(ственном) д(оме) на Енисее, у соляных амбаров. Подите к нему с поклоном от Антипа Никитина из Канска, полученным вами чрез человека, знавшего его на пути от Тюмени к Тобольску, — Михаила Ивановича. Если Г. хочет удостовериться в этом человеке, пусть справится у Антипа Г.², раскольник из называющих себя христианами. Податель этой записки, с которым будьте в самых лучших отношениях, скажет вам, чего желательно от знакомства с Г.; я убежден, что вы поведете это дело благоразумно и умно и возьметесь за него с энергией. Не забудьте, что раскольники чрезвычайно недоверчивы. Разумеется, не скрывайте своего положения. Оно хороший паспорт у этих людей. Но о своих религиозных взглядах — ни слова; напротив, надо, сколько можно, быть в тон собеседников. Повидимому, Г. теперь под следствием. В чем бы ни было дело, старайтесь всеми силами помочь ему, но затроньте предмет настолько искусно, чтобы он не заподозред в вас правительственного агента. Сойдитесь и со столяром Фед. Вас. Ивановым, о котором я вам говорил; мне сдается, что он может быть очень полезен. Всем приятелям дружеский привет. Крепко надеюсь на вас.

Н.

¹ Беневоленский.

² Голубин.

Красноярско-канскому революционному центру не удалось осуществить широко задуманный план восстания. Деятельность организации, с помощью пробравшегося в главный ее «штаб» провокатора, была раскрыта правительством в феврале 1866 г., ранее, чем руководители приступили к осуществлению своих намерений. Этим провокатором оказался член центральной организации Иосаф Сулинский (или Сулимский) — тот самый, к которому обращено первое из опубликованных нами писем Серно-Соловьевича. Сулинский выдал всех руководящих деятелей и наиболее активных участников организации; все они были арестованы и заточены в тюрьмы и остроги. Лишь смерть — 14 февраля * — избавила от этой участи Серно-Соловьевича. Вслед за арестом руководителей начались массовые аресты почти всех остальных политических ссыльных и отправление их по этапу в самые отдаленные места Иркутской области.

Тяжелый удар, нанесенный правительством революционному движению в Сибири в рассматриваемое время, не сломил твердости и энергии русских и польских политических ссыльных. Они продолжали напряженную подготовку выступления.

Через несколько месяцев после разгрома красноярско-канского революционного центра произошло вооруженное восстание на Кругобайкальской дороге.

* В литературе указывается, что Н. А. Серно-Соловьевич умер 9 или 10 февраля. Дата 14 февраля заимствована из материалов используемого архивного дела III Отделения.

В этом восстании, начавшемся 25 июня 1866 г. в районе станции Култук, участвовала значительная часть политических ссыльных, находившихся в ближайших к Иркутску местностях.

Восстание было жестоко подавлено правительством. Наиболее активные участники были закованы в кандалы и отправлены — одни в Иркутскую тюрьму, другие — в Александровский завод (ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., № 8, л. 369).

Руководители восстания, по решению военно-полевого суда, были расстреляны в Иркутске, а некоторые сосланы в самые отдаленные районы Восточной Сибири на каторжные работы.

Герцен и Огарев откликнулись на это событие в «Колоколе» (л. 233—234 от 1 февраля 1867 г., стр. 1915) заметкой о расстреле восставших поляков.